

ЗВОНАРИ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ

А. Е. Виденева, Д. В. Смирнов

Хронологические рамки работы ограничены 1917 — серединой 1930-х годов, т. е. тем временем, когда Успенский собор существовал в качестве действующего храма. Деятельность соборных звонарей в указанный период отражена в статье М. Н. Тюниной «Ростовские колокола и звоны», правда, имена звонарей названы без ссылок на какие-либо документы, а приведенные автором даты прекращения соборных звонов и закрытия собора опровергаются источниками¹.

Документальной основой настоящей работы послужили материалы архива Ростовского музея и Ростовского филиала архива Ярославской области.

Звонари соборной звонницы являлись причетниками Успенского собора, наравне со сторожами числились служителями при храме. В 1917—1918 годах в штат собора входили 9 служителей². Богослужения в соборе происходили ежедневно³, следовательно, в соответствии с церковным уставом, каждый день звучали колокола.

Последствия пролетарской революции коренным образом изменили условия существования Успенского собора. В частности, в советское время храм лишился основных источников дохода и, оставшись практически без средств к существованию, был принужден к строжайшей экономии. Экономия выразилась в сокращении, поэтому уже в 1919 г. количество служителей было уменьшено с 9 человек до 4-х, но с тем условием, чтобы эти четверо обслуживали собор в качестве сторожей и, в то же время, являлись звонарями на соборной звоннице⁴. Возможно предположить, что сокращение 1919 г. произошло за счет малоквалифицированных сторожей и менее затронуло звонарей — мастеров, владеющих достаточно редким и сложным искусством. На жалованье оставшимся пятерым служителям в конце 10-х — начале 20-х годов церковный совет ежемесячно выделял 1000 руб. Ставка каждого служителя зависела от уровня его квалификации⁵.

В середине 20-х годов, в связи с увеличением расходов на ремонт храма, сокращение соборного причта продолжилось. В начале 1927 г. совет общины собора оставил в штате звонарей лишь двоих — Мягкова и Махрова, на этот раз,

при условии совмещения ими своей непосредственной работы с обязанностями не только сторожей, но и уборщиков. К примеру, И. Е. Махрову совет общины, учитывая 8-часовой рабочий день, определил следующий режим работы: «вменить в его обязанность звон; чистку зимой от снега, летом от мусора главного входа в собор и наружной площадки против св. ворот; прислуживание в алтаре в будни, за ящиком — в праздники; перед праздниками — уборка паникадил; соби́рание подписей при ежегодной регистрации членов общины и, при надобности, извещение членов общины о дне общих собраний». Столь большая нагрузка, по мнению церковного совета, оправдывалась тем, что Махров И. Е. на звон затрачивал ежемесячно, в общей сложности, около трех 8-часовых рабочих дней, тогда как от собора получал жалованье — 17 руб. в месяц, а кроме того, оплату квартиры и отопления⁶.

По документам 1927 г. значатся имена 4-х соборных звонарей⁷, т. о. либо, предложенное советом общины, сокращение явилось временной мерой, либо два звонаря остались за штатом. Впрочем, существенной разницы в положении штатных и заштатных служителей к тому времени не существовало, поскольку большинство служителей было переведено на сдельную оплату труда. Звонари, в зависимости от количества звонов, за месяц получали от 4-х до 17 руб.⁸.

В документах зафиксированы имена следующих звонарей соборной звонницы послереволюционного времени:

1. Восторгов Дмитрий Петрович.

— сын священника Успенского собора прот. Петра Восторгова; приступил к работе звонаря 2 июня 1927 г.; в декабре 1927 г., на Рождество, в качестве праздничного подарка от совета общины «мальчик Восторгов» получил 1 руб. 70 коп.⁹.

2. Махров Иван Евлампович.

— год рождения — 1876; по профессии — портной; в 1926 г. проживал в Кремле, в соборной сторожке¹⁰.

3. Мягков.

— упомянут в качестве звонаря в документах 1927 г.¹¹.

4. Федоров Илья Александрович.

— год рождения — 1885; по профессии — переплетчик¹².

В упоминавшейся работе М. Н. Тюнина приводятся следующие имена соборных звонарей «старшего поколения»:

1. Бутылин Александр Сергеевич.

2. Королев Николай Григорьевич.
3. Урановский Сергей Флегонтович.
4. Урановский Михаил Сергеевич.
5. Федоров Илья Александрович.
6. Хмельницкий Вячеслав Герасимович¹³.

К этому возможно добавить, что А. С. Бутылин в середине 20-х годов являлся членом общины Успенского собора¹⁴, а М. С. Урановский и Н. Г. Королев — служили в Ростовском музее¹⁵.

В 1930 г. Ростовский горсовет постановлением от 28 февраля запретил в Ростове колокольные звоны, после чего неминуемо должны были умолкнуть и соборные колокола. Звонари соборной звонницы окончательно «переквалифицировались» в сторожей¹⁷.

¹ Тюнина М. Н. Ростовские колокола и звоны // Колокола. История и современность. М., 1985, С. 142.

² Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник (РЯ АХМЗ), А-727, л. 67 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ РЯ АХМЗ, А-720, л. 187.

⁷ РЯ АХМЗ, А-718, л. 34.

⁸ РЯ АХМЗ, А-718, л. 46, л. 35, л. 38, л. 46; А-719, л. 21, л. 43.

⁹ РЯ АХМЗ, А-1000, л. 15; А-718, л. 18.

¹⁰ РЯ АХМЗ, А-716, л. 11 об., л. 20; А-720, л. 18.

¹¹ РЯ АХМЗ, А-719, л. 2; А-720, л. 18.

¹² РЯ АХМЗ, А-716, л. 12 об., л. 18, л. 19.

¹³ Тюнина М. Н. Ростовские колокола..., С. 143.

¹⁴ РЯ АХМЗ, А-716, л. 11 об.

¹⁵ РЯ АХМЗ, А-151, л. 1 об.

¹⁶ Ростовский филиал государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО), ф. Р-6, оп. 1, ед. хр. 53, л. 70.

¹⁷ Там же, л. 108 об.